

Полюбить
18+
заново

Сабит Алиев

Сабит Алиев
Полюбить заново

«Издательские решения»

Алиев С.

Полюбить заново / С. Алиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989042-9

«Писатель Сабит Алиев, обладает чутким восприятием красоты и одновременно трагичности, присущих жизни», — так характеризовал Дэвид Вонсбро (David Wansbrough) писатель, доктор философии и теологии творчество Алиева. В настоящей прозе Сабита Алиева «Полюбить заново» — история трогательной любви молодого человека, который переживает сложные отношения с родными и близкими. О том, как же трудно осознать и полюбить снова то, что давно стало таким ненавистным и в то же время некогда родным...

ISBN 978-5-44-989042-9

© Алиев С.

© Издательские решения

Содержание

Сабит Алиев	6
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Полюбить заново

Сабит Алиев

© Сабит Алиев, 2020

ISBN 978-5-4498-9042-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сабит Алиев
Полюбить заново

Часть 1

Жаркое солнце освещало наш двор сквозь высокие ограды. Трава блестела от недавнего дождя, земля была пропитана влагой. Тяжёлые ветви деревьев гнулись, тёлки, привязанные в ряд, паслись на лугу и время от времени мычали.

Открылась дверная калитка, и появился отец, крепко держа в правой руке чёрный пакет с деньгами. Только что он продал пятую ферму из одиннадцати оставленных ему родителями.

– Теперь ты обладатель солидного капитала, и я очень надеюсь, что ты прекратишь заниматься ерундой, – так он называл мой писательский труд, – начнёшь удваивать свой капитал и станешь уважаемым человеком в обществе, – сказал он мне.

Учась в старших классах, я увлекался драматургией. Посылал пьесы в местные театры, но режиссёры не трудились даже прочесть произведения неизвестного автора.

Затем я выпустил маленький сборник стихов. Книга не имела никакого успеха, но казалась мне многообещающей.

Осмелюсь предположить, что когда-нибудь напишу весьма умную книгу. Хотя и знаю: чтобы достичь успеха в литературе, нужно обладать некой отвагой, которая отражается в новом герое, оригинальности сюжета и в стиле письма, но пока у меня ничего этого не было. Звучит довольно жёстко по отношению к себе, но такова истина.

Среди семей, обитающих испокон века в окрестностях города Баку, семья Ахмедовых была одной из самых уважаемых и гостеприимных.

Наш дом был большой, с высокими потолками и с широкими окнами, выходившими на набережную. Перестановка по указаниям матери быстро придавала дому утончённый облик. Произведения искусства, собранные её отцом во время поездок по Европе, она всегда берегла: эти бесценные картинки и книги добавляли обстановке особое изящество. Гости всегда восхищались тем, как можно специально так озаботиться антуражем, чтобы, находясь внутри него, все становились частью этого эстетически полноценного, продуманного пространства.

Наш дом круглый год, с утра и до поздней ночи, кишел народом. Люди приходили без всякого предупреждения: ближайшие соседи и какие-то дальние родственники, которых лично я до сих пор в глаза не видел и не слышал об их существовании. Эти дни мать называла днями полной анархии, приводившей в отчаяние её и прислугу. Завтрак, обед, ужин смешивались в шумной и беспорядочной суете. В то время, когда одни заканчивали обедать, другие только начинали пить утренний чай. Со стола никогда не убирали сладости, фрукты, а кухня наша работала с утра до вечера.

Мать моя, хозяйка дома, почти никогда не садилась за стол, пока сама не накормит всех гостей. Они говорили, что если и есть на свете женщина, которая может предстать пред Аллахом, так, без всякого сомнения, это она.

Мы жили богато, деньги из рук отца текли, бежали, исчезали. Лёгкость, с которой отец оказывал своим родственникам помощь, была одной из величайших радостей его жизни. Тут его прекрасно понимали все люди.

Отец был высокий, широкоплечий, с длинной веерообразной бородой и серыми холодными глазами, с отсутствующими передними зубами, выбитыми во время службы в армии. Как это вышло, он уже не помнил. По этой причине он шепелявил, выплёвывая слова, которые люди не всегда понимали. Отца отличали властолюбие, суровость и убеждённость в правоте своих слов. С ним нужно было договариваться на его условиях.

Отец, создававший впечатление сильного человека с непростым характером, был молчаливым в присутствии незнакомцев и иногда приводил всех в замешательство своим холодным безразличием. И, конечно же, он был типичным представителем своего народа. Он любил,

чтобы вокруг царил домашний уют, чтобы о нём и о его родственниках заботились, вкусно кормили и не задавали лишних вопросов.

Я любил своего отца, и он меня тоже, хотя наши отношения и не всегда об этом свидетельствовали. Он любил охоту, а я шёл на уступки, соглашаясь в виде одолжения пострелять вместе куропаток. По его мнению, если мужчина не любит оружие, – это противоестественно.

Не знаю, в чём тут дело, но стоит надеть охотничий костюм – и люди превращаются в каких-то бездушных существ. А как они хвастаются после охоты! Сколько раз отец буквально заставлял меня сидеть молча за ужином, когда он и его друзья рассказывали о своих подвигах. И я с ужасом слушал их рассказы. Однажды между нами возник спор:

– Ты ничего не понимаешь в охоте, – воскликнул он. – Каждый мужчина должен любить оружие.

– Вздор, – ответил я, – убивать ради удовольствия? Это не по-человечески. Быть может, когда ты нажимаешь на курок, чувствуешь себя всемогущим? Я не вижу в этом необходимости. Я терпеть не могу охоту. По мне, она порождает даже в превосходных людях самую безобразную жестокость. А как вы, охотники, любите хвастаться! Сколько раз я сидел за ужином с тобой и твоими друзьями и ужасался вам. Как же быстро вы превращались в самохвалов!

– Отвечать отцу, да ещё такими словами, крайне нерелигиозно, да и вообще наш менталитет не одобряет этого. Ты осмеливаешься отвечать мне?! Это богохульство. В моём доме есть свои законы, которые приняты моими предками! – заорал он, ударив ладонью по столу.

– Я категорически отказываюсь пользоваться законами твоих предков. Я могу уйти?

– Если ты осмелишься возражать, то больше никогда не войдёшь в мой дом!

Мне показалось, что отец посмотрел на меня свысока. Я с трудом удержал себя, чтобы не ответить ему, что он сильно преувеличивает собственную важность. И в самом деле – эта ноша стала для меня тяжеловата, но я не рискнул уйти.

– Я очень надеюсь, что ты верно понимаешь мои слова. Не будь упрямым, как мать, – если ты признаёшь свою ошибку, я готов забыть наш спор. Думаю, ты не забыл, что я собираюсь оставить тебе всё своё богатство по завещанию. А ведь я могу в любое время передумать. Я вправе отдать деньги кому пожелаю, – заявил он, уже окончательно выходя из себя, – и поверь мне: если ты меня доведёшь, то я пожертвую всё до последнего маната на благотворительность. Помни, что я единственный человек, который может сделать тебя богатым.

Я был твёрдо убеждён, что отец проживёт ещё много лет, сживая со свету своих родственников и в частности меня. Я почему-то был не уверен, что я переживу его, но знал одно: что не хочу жить, подчиняясь крайне невежественному человеку, хоть этим человеком и был мой отец.

Тем временем он, трясясь от ярости, продолжал:

– У нас много бедных родственников, да и вообще кругом нищета, разве ты слепой?

Я молча ушёл в библиотеку, куда отец никогда не заходил и там его грубый беспощадный голос был не слышен.

Моя мать была высокой, с острым взглядом и уверенной походкой. Седые густые волосы всегда были уложены в сложную причёску, напоминающую о моде, давно забытой молодыми женщинами. Спину она держала прямо, движения отличались упрямой решительностью, одновременно её походка была лёгкой и изящной. Мать не ела сливочного масла, считая, что оно вредит фигуре и мыслительному процессу, и думала, что умный человек не страдает лишним весом.

Дома мама всегда была хорошо одета. Она любила платья из тонкого шёлка нежных тонов. Особенно ей нравилось тёмно-фиолетовое маркизетовое платье с небольшой пелери-

ной. В минуты хорошего настроения она садилась за пианино, наигрывала мелодичную песенку и тихонько пела. А я, забившись куда-нибудь в уголок, сидел, слушал и любовался своей мамой, лучше которой не было на всём белом свете.

Как многим хорошим в себе я обязан ей! Она была младшим ребёнком в большой, образованной семье. Её старшая сестра Флора хорошо играла на пианино и прекрасно пела. Когда ей исполнилось семнадцать лет, отец повёз Флору в Москву на прослушивание в консерваторию. Педагоги сказали, что у девушки редкого тембра голос и ей непременно надо учиться. Так Флора стала студенткой Московской консерватории и домой приезжала только на каникулы.

В эти дни Лала, младшая и самая любимая сестрёнка, не отходила от Флоры, и та уделяла ей много времени: учила её играть на пианино, петь забавные детские песенки. А когда Лале исполнилось пятнадцать лет, девочка недельки на две-три навещала Флору и та знакомила её с огромным городом: водила по музеям, по концертным залам, в театры. Окончив консерваторию, Флора вышла замуж за музыканта и их вместе направили в Свердловский оперный театр. Видеться родные сёстры стали очень редко.

В начале совместной жизни с отцом она хотела обеспечить себе независимость, была готова на всё. С отцом ссорились каждый день. Отец в такие моменты говорил ей всё, что в голову приходило, стараясь задеть её как можно больнее. Словесные оскорбления отца причиняли ей боль, сравнимую с физической. Он обвинял во всех своих несчастьях жену, а не Аллаха или себя. Чем грубее он был, тем острее она это чувствовала.

Каждый раз отец безудержно выкладывал весь свой запас бранных слов и упрёков. Они текли из его рта, как поток нечистот. Он выплёвывал слова, заикаясь, голос его срывался, но он овладел человеческой речью словно бы специально для того, чтобы бросать на мать ругательства и оскорбления. Он всегда затыкал ей рот.

Я часто, приложив ухо ко дну стакана, приставленного к стене, подслушивал их разговор. Помню, как однажды, слушая эпизод их ссоры о своём будущем, сжимал в руках книгу «Дон Кихот».

Тогда я заканчивал четвёртый класс.

– Всё решено.

– Что именно? – тревожно спросила мать.

– Я договорился, он будет учиться в медресе.

– Ты говоришь невозможные вещи! Скоро двадцать первый век.

– Я так решил. Рот закрой, – грозно ответил отец, – пусть изучает Коран. Он мой сын.

Мать всегда очень переживала, когда отец говорил обо мне лишь как о своём сыне, будто только он имеет полное право распоряжаться мной.

После долгого молчания я услышал, как, заикаясь, мама сказала:

– Я не хочу, чтобы мой сын стал фанатом религии. Он уникальный ребёнок, совершенно уникальный.

Отец хлопнул ладонью по столу.

– Это совершенно меня не волнует, уникален он или не уникален: по мне, все дети одинаковые. И запомни: мой дом – это мой дом. Мой сын – это мой сын. Всё решаю я, и точка.

Я ненавидел арабский язык и его буквы. От злости на отца я швырнул книгу в сторону и начал стучать по стене руками, только, кажется, родители меня не слышали. Позже я успокоился и услышал голос мамы.

– Мы должны учить его важным вещам, чтобы он мог стать многогранным человеком. Он очень умный мальчик.

К моему удивлению, отец промолчал.

Признаюсь: когда меня называли умным, я не чувствовал гордости. Я и только я знаю, какой я. Умный, толстый, высокий... Меня это не волновало.

Я был единственным ребёнком в семье. Родители, каждый из них, желали вырастить из меня нечто необыкновенное. У них для меня назначена была высокая планка. У отца своя – чтобы я учился в медресе, изучал арабский, как свой родной язык, любил охоту, продолжал дело наших предков. Мать хотела, чтобы я знал несколько европейских языков и стал врачом. Это была её мечта.

Буквально через несколько дней после их спора, который я подслушал, отец наставил на меня указательный палец, словно пистолет, и громко сказал, что я обязан делать всё, что он говорит, без объяснения.

– Ты должен учить арабский язык.

В поисках поддержки я посмотрел на маму, но та сидела опустив глаза, и мне оставалось только одно – защититься самому. Я довольно долго восхищался отцом, а сейчас впервые, познав его ужасный характер, решил больше не заслуживать его одобрения. Глубоко вдохнув, хоть и боясь его, я твёрдо сказал:

– Я не буду изучать арабский язык.

– Ещё как будешь, – услышал я холодный голос отца.

– Не пойду. – К тому времени я читал очень много книг и знал, как учат в медресе. С утра до вечера одно и то же вдалбливают, то, чего ребёнок не понимает. Потратить свою жизнь на то, что никогда мне не понадобится? Это бессмысленно.

Отец держал двумя руками свои уши, словно мои слова, как острый нож, резали его слух, затем очень низким голосом сказал:

– Это мы ещё посмотрим.

Мама уставилась в пол, будто ей было неинтересно моё будущее. «Предательница», – подумал я и только через очень много-много лет узнал, что отец запретил ей открывать рот, пока он даёт мне наставления.

А ещё помню, как однажды ночью мать, тяжело упав к ногам отца, простонала, заливаясь слезами:

– За что ты сердишься на меня?

Отец начал кричать, оскорбляя её и весь её род:

– Я хочу ещё ребёнка, а ты не можешь родить. А когда корова больше не приносит телят, она никуда не годится. С женщинами точно так же.

– Это не моя вина, – сказала, вздохнув, мать.

Отец встал и, очевидно, не зная, как бы ещё её помучить, приказал ей выйти во двор и стоять там под дождём до рассвета. Мать молча повиновалась.

Я, злой на отца, вместе с мамой в одной пижаме вышел на улицу и, засунув глубже руки в карманы, встал под дождём.

Отец тут же выбежал за мной и, обняв меня, начал целовать, вытирая с моего лица капли дождя, повторяя:

– Ты с ума сошёл, ты с ума сошёл... ты же простудишься...

С тех пор прошло двадцать лет...

Мать всегда была равнодушна к вещам, но любила всё прекрасное: классическую литературу, особенно русскую и французскую, музыку, живопись. Всему, что знала, она учила меня. Одним из лучших моих решений было то, что я ей доверил своё образование.

Она любила природу, любила поля, которые к весне начинали пестреть весёлым цветочным узором, похожим на ковёр. На каждом дереве пели птицы, на все голоса восславляя радость жизни, красоту дождя и яркий солнечный день.

– Наш мир прекрасен, а человеческий век так короток, что каждая минута достойна того, чтобы её прожить как последнюю, – говорила мне мама.

Она мечтала о путешествиях.

– Путешествуй, мой мальчик, – это облегчает любые страдания. Сама усталость от поездки, дрожь в коленях напоминают нам о жизни. Мы приходим в этот безумный мир с надеждой и, уходя из него, оставляем свою надежду здесь же, веря в то, что оставили после себя свидетельство о том, что мы жили.

– Красота, пожалуй, важнее всего на свете, – сказала мать однажды. – Все говорят, что для мужчины внешность не играет никакой роли, но эти слова абсурдны. В истории человечества было много мужчин, которые добились почёта и славы лишь благодаря своей харизме. Сегодня я хочу поговорить с тобою ещё раз о профессии, я хочу, чтобы ты стал врачом, очень хорошим врачом. Белый халат... что может быть прекраснее этого? Ты красив и умён, он тебе очень подойдёт. – Мать говорила эти слова, поглаживая мои волосы.

Несмотря на всю красоту белого халата, я не собирался связывать свою жизнь с этой профессией, но так же я не хотел идти по пути отца.

– Я хочу стать писателем. Это достойная профессия для уважаемого человека, – ответил я.

Мать посвящала всю себя моему воспитанию, старалась наставить меня на путь истинный. Она всеми силами пыталась привязать меня к себе. Заставляла рассказывать ей обо всём, что я делаю, и, конечно, мне приходилось часто сочинять всякую чушь. А она была готова принять на веру любую ложь, которую от меня слушала.

Однажды я чуть не попался. Мать в очередной раз ждала меня, не ложилась спать. И я ей соврал, сказав, что буду заниматься уроками, а сам отправился погулять с друзьями: в итоге потратил все деньги, которые она дала. Мог бы разразиться скандал, но мне удалось убедить её, что у меня ещё со вчерашнего дня болела голова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.